

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-256-268>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)4

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. В. Шаповалов
г. Москва, Россия

**РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ВОСКЛИЦАНИЯ
В СЛАВЯНСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ
РУБЕЖА XI–XII ВВ. («ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»,
«ЧЕШСКАЯ ХРОНИКА», «ХРОНИКА ГАЛЛА АНОНИМА»)**

Аннотация: В статье рассматриваются риторические вопросы и восклицания в памятниках восточно- и западнославянской историографии рубежа XI–XII вв. Показано, что в «Повести временных лет» риторические вопросы и восклицания использованы для усиления оценки значимых для книжника фрагментов летописи, что служило целям формирования новой идеологии древнерусского государства. Сочетания в риторических фигурах оригинальных и заимствованных высказываний говорят об ориентации древнерусских летописцев по образцу Византии на библейскую риторическую традицию. Напротив, в западнославянских хрониках цитаты в риторических вопросах и восклицаниях практически отсутствуют. В «Чешской хронике» риторические фигуры часто сочетаются с различными выразительными средствами и могут относиться не только к содержанию, но и к форме повествования, в том числе находясь внутри фразы и являясь устойчивыми выражениями. Эти же особенности справедливы и в отношении «Хроники Галла Анонима», в которой риторические фигуры реже соотносятся с выразительными средствами, а их экспрессивный компонент проявляется более отчетливо. Делается вывод об актуализации субъективности повествования посредством риторических вопросов и восклицаний как общей черте рассматриваемых источников, что позволяет лучше понять мировоззрение и задачи создателей памятников средневекового историописания.

Ключевые слова: риторический вопрос, риторическое восклицание, Повесть временных лет, Чешская хроника, Хроника Галла Анонима.

Информация об авторе: Алексей Владимирович Шаповалов — аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, корп. 51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3230-3682>

E-mail: omeganom@yandex.ru

Дата поступления статьи: 31.07.2021

Дата одобрения рецензентами: 20.03.2022

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Шаповалов А. В. Риторические вопросы и восклицания в славянском историческом повествовании рубежа XI–XII вв. («Повесть временных лет», «Чешская хроника», «Хроника Галла Анонима») // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 256–268.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-256-268>

Риторические традиции Древней Руси XI–XII вв. складывались под влиянием византийской культуры главным образом в проповедях и похвальных словах (учительное и торжественное красноречие [19, с. 8–9]). С течением времени они проникали в памятники других жанров, в частности в послания, жития, хождения, летописи. Для изучения того, какие виды риторических фигур проникали в летописи и какие функции они при этом выполняли, представляется перспективным сопоставление древнерусских памятников и произведений других славянских историографических традиций. Это позволит увидеть, что в них принадлежит «общеславянскому слою», а что — отдельной литературной традиции [18, с. 20]. В литературе неоднократно отмечалось сходство древнерусских летописей и западнославянских хроник XI–XII вв. [4, с. 190–191, 199]. К таким произведениям относятся «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), «Чешская хроника» (далее — ЧХ) и «Хроника Галла Анонима» (далее — ХГА), которые описывают синхронный период истории древних Польши, Чехии и Руси и лежат в основе историографии и национальных литератур своих народов. Эти памятники неоднократно изучались в сравнительном аспекте (исследователей интересовали конфессиональный и этнический компоненты содержания ХГА и ПВЛ [5, с. 345–363], случаи комментирования авторами ЧХ и ПВЛ «самого себя, своего собственного текста или его читателей» [11, с. 55], хронологическая точка отсчета национальной истории в ЧХ и ПВЛ [15, с. 182–183], сюжеты, мотивы и образы сказаний о первых правителях в ХГА, ЧХ и ПВЛ [20, с. 105–150]), однако сравнительного изучения риторических высказываний авторов этих текстов ранее не проводилось.

В древнерусском летописании часто встречаются такие риторические фигуры, как риторический вопрос (не требующее ответа суждение, которое облечено в форму вопроса) и риторическое восклицание (троп, основанный на эмоциональном переосмыслении содержания предложения)¹. Некоторые из них как проявления «азъ» летописца в ПВЛ рассмотрены О. В. Иванайнен [8, с. 437–443], однако в этой работе недостаточно внимания уделено источникам риторических фигур, их сочетанию друг с другом и с другими выразительными средствами. Настоящая работа посвящена сравнительному изучению риторических вопросов и восклицаний книжников² в текстах ПВЛ (по Ипатьевскому списку), ЧХ и ХГА.

В ПВЛ риторические вопросы книжники использовали с целью привлечь внимание читателя к фрагменту летописи (например, в полемике с приверженцами языче-

¹ Кроме риторического вопроса, выделяют медитативный вопрос (эмоционально оформленное размышление о сути явлений, не содержащее в себе ответа) и делиберативный вопрос (вопрос к самому себе, часто присутствующий во внутренней речи персонажей). Помимо риторического восклицания, различают риторическое обращение (направленное на привлечение внимания к адресату) и аверсию (обращение к заведомо отсутствующему адресату). Подробнее о различных видах риторических фигур и особенностях их употребления см.: [17].

² В работе не рассматриваются риторические вопросы и восклицания, включенные в прямую речь персонажей, так как они требуют отдельного изучения.

ства «волхвами»³: «кто оубо что рч чѣтъ ѡ творѣщихъ волшвныхъ дѣлѣ» [14, стб. 30 (912)]⁴ или молитвенного обращения к Богу (в этом случае риторический вопрос мог быть оформлен как прямая речь летописца: «Гси Иссе Хсе чѣто ти воздамъ ѡ всихъ таже ты въздасть намъ грѣшнымъ сущимъ» [14, стб. 103–104 (988)]). В риторических вопросах летописцы употребляли цитаты из Священного Писания, при этом само указание на цитату может присутствовать («и паки другыи проркъ рче кто тако Бѣ ѿемла грѣхы и престѹпага неправдѹ» [14, стб. 104 (988)] — [Мих 7: 18]) или отсутствовать («не любди братъ своего егоже видить Бѣ егоже не видить како можетъ любити» [14, стб. 195 (1078)] — [1 Ин 4: 20]). Это согласуется с ориентацией формирующейся книжной культуры Древней Руси на риторическую традицию Византии, для которой характерны «тончайшее варьирование и всесторонняя реализация изначально данных возможностей» [1, с. 263]. При повествовании о современных летописцу событиях риторические вопросы приобретают более выраженные субъективно-эмоциональные черты («не великихъ ли чѣтти достонни сѹтъ нашу жизнь хранѣще» [14, стб. 270 (1111)]) и могут свидетельствовать об образованности летописца («се оубо не англѣ ли вожаше Ѡлександрѣ не поганѣ ли повѣжаше и вси Ѡлини кѹмирослѹжебници» [14, стб. 264 (1110)]). В последнем примере интересно, что в рассуждении о роли ангелов в Божьем промысле (проанализированном О. В. Иванайнен [8, с. 439–440]) летописец не просто сообщает о победах Александра Македонского, а использует риторический вопрос с целью дополнительно усилить правоту своей точки зрения.

Некоторые риторические восклицания в ПВЛ являются оригинальными высказываниями летописцев. С их помощью книжники выражали свою оценку («Ѡ злага лѣсть чловѣчьскага» [14, стб. 64 (980)], «не добро естъ престѹпати придѣла чюжаго» [14, стб. 173 (1073)]) или эмоцию («и выѣ тако» [14, стб. 23 (907)], «Колика ти радость» [14, стб. 104 (988)]). Подобные экспрессивные проявления нетипичны для средневековых памятников, в которых субъективное начало выражено слабо. Как отмечал С. С. Аверинцев, «в рамках любой традиционалистской культуры <...> не в чести спонтанные реакции на что бы то ни было» [1, с. 244]. Интересно восклицание, выражающее отношение летописца к значению Крещения Руси, которое приписано дьяволу («дѣволѣ стѣнѣше глѣд оубы мнѣ тако ѿсюдѹ прогонимъ есмь» [14, стб. 102 (988)]). Как и риторические вопросы, риторические восклицания в ПВЛ могут являться цитатами, при этом факт их заимствования не оговаривается («велии бо Гсѣ и вельма крѣпость егѣ и разумѹ егѣ нѣс числа» [14, стб. 68 (980)] — [Пс 146: 5], «велии еси Гси чюднага дѣла твоя» [14, стб. 102 (988)] — [Откр 15: 3]). Это может быть связано с тем, что летописец полагал их известными своему читателю. Часто риторические восклицания в ПВЛ представляют собой молитвенные обращения («блгсѣнѣ Гсѣ иже не дастъ насѣ в ловитьвѹ зѹбомъ имъ» [14, стб. 105 (988)], «Гси помилѹи» [14, стб. 202 (1091)], «Бѣ мои» [14, стб. 223 (1096)]), которые выражают традиционное для средневековья религиозное сознание⁵ их авторов. Некоторые из них, помимо этого, обозначают смысловую доминанту летописи («радисѣ Рѹское познаніе къ Бѹ начатокъ примиренію» [14, стб. 56 (969)], «хрѣстѣлюбивага застѹпника наша стрѣпца» [14, стб. 126 (1015)], «радѹисѣ ѿче нашъ и наставниче Федосии» [14, стб. 204 (1091)]). Для летописца эти

³ Об антихристианских выступлениях в Древней Руси см.: [12, с. 249–250].

⁴ Здесь и далее тексты источников цитируются по изданиям: ПВЛ — [14]; ЧХ — [10] (латинский текст — [21]); ХГА — [2] (латинский текст — [22]). В круглых скобках приведен год погодной записи (для ЧХ и ПВЛ), стихотворные строки выделены курсивом (для ЧХ и ХГА).

⁵ Подробнее о религиозном сознании Нестора Летописца см.: [7, с. 176–184].

фрагменты были важны как компоненты формирования новой идеологии — деятельности древнерусских книжников, которая на рубеже XI–XII вв. «не находит полных аналогов в активности духовенства других стран» [12, с. 255].

Риторические блоки (группы высказываний) являются не только проявлением индивидуального стиля и выражением идейной позиции автора [9, с. 35–38], но и средством достижения повышенного эмоционального воздействия на читателя (эффективность подобного стилистического приема отмечал ранее А. П. Сковородников [17, с. 270]). Особенностью ПВЛ является сочетание цитат друг с другом («се коль добро и коль красно же жити братома вкупѣ ... не вѣды дѣда глѣца что съ хвалиши ѡ злобѣ силне» [14, стб. 123 (1015)] — [Пс 132: 1, 51: 3]), а также цитат и собственных высказываний летописцев («доколѣ не насытитесь злобѣ вашихъ ... почто не здерьзастесь въ грѣсѣхъ вашихъ ... се бо не поганьски живемъ ... то не поганьски ли есть се» [14, стб. 157–159 (1068)] — первые две фразы из [Мал 3: 5–14]). Сочетание цитат и оригинальных высказываний говорит о том, что древнерусские книжники воспринимали священные тексты как ориентир для собственных речений. Обращает на себя внимание использование риторических фигур для усиления отрицательной оценки книжником междоусобных войн киевских князей — одной из основных тем древнерусской ораторской прозы XII в. [19, с. 13–14]. Сочетаний риторических вопросов и восклицаний, не содержащих цитат, в ПВЛ немного («ѡмѣстыѣ примша ѡ Бѣ по правдѣ ... аще ли гата быста то по что глѣста тако не оумрети нама а ѡному мыслѣщю оубити га» [14, стб. 168 (1071)]). В этом отношении интересны рассуждения книжника о причинах поражения русских князей от половцев в 1093 г., в которых риторические фигуры усиливают дидактическое начало летописи («ѡ неизреченному члѣколюбью ... тмами любовь таже к намъ кдѣ бо бѣ тогда оумиленье в насъ ... кдѣ бѣ в насъ оуздыханье» [14, стб. 215 (1093)], «да никто же дерзнетъ рещи тако ненавидими Бмѣ есмы кого бо Бѣ тако любить такоже насъ оузлюбилъ есть кого бо тако почтилъ есть такоже насъ прославилъ есть ꙗ възнеслъ есть никого же» [14, стб. 216 (1093)]). В приведенных примерах обращают на себя внимание немногочисленные повторы⁶ отдельных выражений («не поганьски», «кдѣ бѣ», «кого бо тако ... такоже насъ»). Сочетания риторических фигур в ПВЛ отличают отнесенность к реальной ситуации древнерусской истории, а также ее оценка в традиционном для средневекового сознания провиденциальном ключе.

В ЧХ риторические вопросы относятся не только к содержанию повествования, но и к его форме. С их помощью Козьма Пражский выражает свою точку зрения на описываемые события («Что же удивительного?» [10, с. 30]⁷, «Что им было делать?» [10, с. 187 (1101), аналогичные высказывания с. 206 (1109), 241 (1125)]⁸) или объясняет отказ от подробного изложения событий («Зачем говорить об этом много?» [10, с. 60 (929)]⁹, «Следует ли об этом говорить?» [10, с. 221 (1116)]¹⁰). Это согласуется с наблюдением Г. Э. Санчука о том, что Козьма избегает пересказа других источников и несколько

⁶ И. П. Еремин отмечал, что в словах Кирилла Туровского (XII в.) повторяющиеся риторические вопросы или восклицания могут определять стилистический рисунок пространного фрагмента текста [6, с. 51–52].

⁷ «Quid mirum?» [21, p. 32]. Точность передачи риторических вопросов и восклицаний в русских переводах ЧХ и ХГА требует отдельного рассмотрения.

⁸ «Quid facerent?» [21, p. 108 (1101)], «Quid facerent?» [21, p. 117 (1109)], «Quid enim ageret?» [21, p. 132 (1125)].

⁹ «Quid multa?» [21, p. 46 (929)].

¹⁰ «Quid multa?» [21, p. 123 (1116)].

раз упоминает их [10, с. 13]. Подобный отказ от сообщений не характерен для ПВЛ. В ряде случаев риторические вопросы в ЧХ могут сочетаться со сравнением («Но какая беда может нанести больший вред, чем расположение врагов?» [10, с. 79 (999)]¹¹) или гиперболой («Но разве какие-либо башни, пусть самые высокие, или какие-либо стены, пусть самые прочные, могут противостоять любви и удержать того, кто любит?» [10, с. 91 (1021)]¹²). Это свидетельствует о хорошем знакомстве Козьмы с памятниками латинской литературы [10, с. 14–15]. Особенностью ЧХ является использование риторических вопросов для соединения повествовательных фрагментов хроники («что же дальше?» [10, с. 42, 46, 169 (1092)]¹³, «И что же?» [10, с. 84 (1002)]¹⁴, «Что же далее?» [10, с. 108 (1039)]¹⁵, «Что добавить еще?» [10, с. 122 (1055)]¹⁶, «Что же еще?» [10, с. 132 (1067), 144 (1074), 161 (1091)]¹⁷, «Что же затем?» [10, с. 138 (1073)]¹⁸). В приведенных примерах Козьма использует одни и те же высказывания (см. латинские выражения в сносках 13–18), что позволяет говорить об их формульности.

Риторические восклицания в ЧХ часто передают непосредственную реакцию Козьмы на описываемые события. Такие восклицания преимущественно краткие («Увы!» [10, с. 49]¹⁹, «О, изменчивая судьба!» [10, с. 116 (1041)]²⁰), некоторые из них могут встречаться внутри фразы («о суровая судьба человека» [10, с. 37]²¹, «о, страшная судьба!» [10, с. 75 (995)]²², «о, это предчувствие князя!» [10, с. 79 (999)]²³, «о, позорное деяние!» [10, с. 81 (1000)]²⁴). Молитвенных обращений в ЧХ существенно меньше, чем в ПВЛ («О, Иисусе, преблагий господи!» [10, с. 209 (1109)]²⁵). При повествовании о современных событиях риторические восклицания Козьмы становятся более разнообразными. Они могут состоять из двух высказываний («О, злой разум, о, негодная душа!» [10, с. 80 (999)]²⁶, «О, сколь неразумен был он в своей мудрости, сколь смел в своей смелости!» [10, с. 193 (1107)]²⁷), сочетаться с различными выразительными средствами²⁸, такими, как сравнение («О, сколько денег в тот день было отнято у несчастных евреев! Столько богатства не было вынесено из горящей Трои на Эвбейский берег» [10, с. 177 (1098)]²⁹) или гипербола («Ах, сколько деревень, сколько домов в подградье, сколько хижин и церквей увлекла она (*Влтава*. — *А. III.*) своим течением!» [10, с. 223

¹¹ «Sed quae pestis nocentior quam familiares inimici?» [21, p. 56 (999)].

¹² «Sed quae turres, quamvis altissimae, aut quae moenia firmissima amori resistere et amantem possunt excludere?» [21, p. 62 (1021)].

¹³ «Quid tamen?» [21, p. 37], «Quid plura?» [21, p. 39], «Quid multa?» [21, p. 101 (1092)].

¹⁴ «Quid multa?» [21, p. 59 (1002)].

¹⁵ «Quid multa?» [21, p. 70 (1039)].

¹⁶ «Quid plura?» [21, p. 76 (1055)].

¹⁷ «Quid multa?» [21, p. 81 (1067)], «Quid multa?» [21, p. 88 (1074)], «Quid multa?» [21, p. 97 (1091)].

¹⁸ «Quid tum?» [21, p. 85 (1073)].

¹⁹ «Ah!» [21, p. 40].

²⁰ «O fors fortuna!» [21, p. 73 (1041)].

²¹ «heu dira conditio humana!» [21, p. 35].

²² «heu dira condicio» [21, p. 54 (995)].

²³ «hah mens praesaga ducis!» [21, p. 56 (999)].

²⁴ «o indignum facinus» [21, p. 57 (1000)].

²⁵ «O Iesu, bone Domine!» [21, p. 118 (1109)].

²⁶ «Ah mala mens, malus animus!» [21, p. 57 (999)].

²⁷ «O stulta sapientia viri, immo audax audacia ducis!» [21, p. 111 (1107)].

²⁸ О средневековом учении о тропах и фигурах см. [3, с. 136–137].

²⁹ «O quantum pecuniae eis miseris Iudeis illa die est sublatum, nec ex succensia Troia tantum diviciarum in Euboyco littore fuit collatum» [21, p. 104 (1098)].

(1118)]³⁰). Использование в риторических восклицаниях различных выразительных средств говорит о высоком уровне образования чешского хрониста³¹.

Сочетания риторических фигур в ЧХ также достаточно разнообразны. Козьма Пражский часто употребляет два вопроса или два восклицания («Что же может сделать тело без головы? Что могут сделать без князя воины в битве?» [10, с. 51]³², «О, сколь удивительна милость божья! О, сколь непостижим суд его!» [10, с. 64 (967)]³³, «Зачем же я мешкаю с рассказом, излагая многие подробности? Почему я не излагаю быстрее то, что произошло тотчас же?» [10, с. 211 (1110)]³⁴), а также сочетает риторические вопрос с риторическим восклицанием («Нужно ли об этом говорить еще? Увы!» [10, с. 35]³⁵, «О, непреоборимая жажда золота! Куда девалось могущественное право Римской империи?» [10, с. 81 (1000)]³⁶, «Сколь удивительна благосклонность князя, а еще более достойна удивления его уступчивость <...> Скажи мне, слышал ли кто-либо, чтобы так кто-нибудь поступил?» [10, с. 222 (1117)]³⁷). Серия риторических вопросов и восклицаний в ЧХ может представлять собой самостоятельное авторское рассуждение, что нехарактерно для ПВЛ. Таково повествование о призвании чешского князя Пржемысла, первого из династии Пржемысловичей («И кто бы мог подумать, что они призовут себе в князья человека от плуга? И кто бы мог знать, где пашет тот, кто станет правителем народа? Или не ведает ничего восторг прорицания? Или разве есть что-либо такое, чего не смогло бы свершить волшебство магии? <...> И что же во всем этом удивительного? А какие чудеса творили с помощью своего искусства жрецы в Египте? Ведь с помощью своих чар они творили такие чудеса, каких не мог свершить с помощью бога даже слуга божий — Моисей!» [10, с. 39]³⁸). Рассуждение Козьмы, состоящее из риторических вопросов и восклицаний, содержится и при повествовании об оказавшемся под стражей князе Святополке [10, с. 194–195 (1107)]³⁹. Третья (последняя) книга ЧХ содержит рассуждение Козьмы о своем труде, в котором чередуются риторические вопросы и восклицания («Не пора ли мне бросить у берега якорь, или мне следует, пока бушуют ветры, натянуть паруса и устремиться в открытое море теперь? О, советчик мой, Муза, о друг мой, теперь что же ты посоветуешь мне? <...> О, если бы бог вернул мне, 80-летнему, прошедшие годы, — то время, когда ты, Муза, достаточно позабавилась со мной у магистра Франка в Лютихе, на ниве грамматики и диалектики! О, Муза! Благословенная и любезная к юношам, всегда стыдливая и никогда не стареющая, зачем же ты опять призываешь меня, старика? Зачем ты возбуждаешь

³⁰ «ah! quot villas, quot in hoc suburbio domus, casas et ecclesias suo impetu rapuit!» [21, p. 124 (1118)].

³¹ Об ориентации Козьмы Пражского на латинские и библейские образцы см. [13, с. 12–13].

³² «Quid facerent membra sine capite, aut milites in praelio sine duce?» [21, p. 41].

³³ «O mira Dei clemencia! O quam incomprehensibilia eius sunt iudicia!» [21, p. 48 (967)].

³⁴ «Quid multis moror? Cur non cicius quod sine mora factum est eloquor?» [21, p. 119 (1110)].

³⁵ «Quid plura? Proh dolor!» [21, p. 34].

³⁶ «O invictissima fames auri! ubi est potentissimum ius Romani imperii?» [21, p. 57 (1000)].

³⁷ «O mira ducis benignitas, sed magis admiranda aequanimitas, quem nec secularis delectat dignitas, nec contristat posita honoris sublimitas! <...> Talia quis unquam, audivit, dic rogo, facta?» [21, p. 123–124 (1117)].

³⁸ «Quis enim crederet quod de aratro sibi ducem praerogarent? Aut quis sciret, ubi araret qui rector populi fieret? Quid enim phitonicus furor nescit? Aut quid est, quod magica ars non efficit? <...> Quid mirum? Quanta egerunt artibus suis magi in Aegypto? qui pene totidem mira carminibus suis fecerunt, quot Dei famulus Moyses ex virtute Dei exhibuisse perhibetur» [21, p. 36].

³⁹ См.: [21, p. 112 (1107)].

мою отупевшую мысль? <...> О, Софистика, ты наука бодливая и желанная для тех, кто любит силлогизмы!» [10, с. 237–238 (1125)]⁴⁰. Приведенный фрагмент интересен не только автобиографическими упоминаниями, но и чертами изысканности, экспрессивности, субъективности — особенностями стиля, которые отличали Козьму от его продолжателей⁴¹ и последующих хронистов.

В ХГА риторические фигуры встречаются несколько реже, чем в ЧХ. Риторические вопросы Галла присутствуют в предисловиях к каждой из трех книг хроники. В предисловиях к первой и второй книгам Галл рассуждает о труде историографа, причем говорит о себе в третьем лице («Но что мешает располагающему временем читателю слушать то, о чем с трудом может найти сведения историк?» [2, с. 45]⁴², «Но зачем немой пытается говорить о красноречивых и зачем ребенок, обладающий малым разумом, пытается вникнуть в такие глубокие исследования?» [2, с. 64]⁴³). Это согласуется с желанием Галла остаться неизвестным (текст хроники не содержит упоминаний имени автора или сообщений о событиях его жизни [2, с. 5–6]). В предисловии к третьей книге хронист очерчивает круг тем и говорит, что о некоторых из них он не будет рассказывать («Что мне вспоминать об Александре Великом, об Антиохе, о царях Мидии и Персии или о языческих тиранах?» [2, с. 107]⁴⁴). В основном тексте хроники риторические вопросы Галла также немногочисленны. Они могут относиться к конкретной ситуации (что позволяет говорить о проявлении субъективности в этих случаях: «кто может понять величие бога?» [2, с. 29]⁴⁵, «Но почему же ты, бедный клирик, скрываешься и не решаешься признаться, что это ты вздохнул?» [2, с. 57]⁴⁶, «Какое решение принять, что делать, куда бежать?!» [2, с. 100–101]⁴⁷) или присутствовать в рассуждениях по поводу способа изложения событий («Что же мы медлим?» [2, с. 29, 131]⁴⁸, «Но зачем забегать вперед?» [2, с. 32]⁴⁹, «Но что мы об этом так много говорим?» [2, с. 45]⁵⁰, «Но что же однако?» [2, с. 53]⁵¹, «Что же далее?» [2, с. 62, 109]⁵²). В последнем случае использование сходных выражений позволяет говорить о топике риторических вопросов в ХГА (см. цитаты в сносках 48–52), число которых, однако, меньше, чем в ЧХ.

Риторические восклицания Галла присутствуют в предисловии ко второй книге хроники. Они обращены к лицам, которым Галл посвящает свой труд («О, великие

⁴⁰ «*utrum ibi figam littori anchoram, an etiam Nunc furentibus euris in altum carbasa tendam / Consule formosa mea doctrics nunc mihi Musa <...> O si mihi iam octogenario praeteritos Deus referat annos, quibus olim Leodii sub Francone magistro tum grammaticae tum dialecticae artis in viretus pratis mecum lusisti satis! O nimium amabilis iuvenibus et suavis, semper pudica, sed nunquam vetula, cur me repetis senem? Cur hebetem incites mentem? <...> O sophistica cornupeta, ultro viris syllogisticis appetenda <...>!*» [21, p. 130–131 (1125)].

⁴¹ К продолжателям Козьмы Пражского относят магистра Гервазия, Сазавского монаха и неизвестного переписчика, подробнее см.: [16, с. 259–261].

⁴² «*Sed quid nocet ociosis lectoribus hoc audire, quod vix potest cum labore hystoriographus invenire*» [22, p. 64].

⁴³ «*Sed cur mutus fari nititur de facundis, vel ingenii puer parvi cur implicat se tam profundis*» [22, p. 112].

⁴⁴ «*Quid de Alexandro Magno, quid de Antiocho, quid de Medorum atque Persarum regibus, quid de tyrannis barbarorum memorarem*» [22, p. 212].

⁴⁵ «*quis valet Dei magnalia cogitare*» [22, p. 20].

⁴⁶ «*Sed cur miser clericelle latitas? Cur indicare gemuisse te dubitas?*» [22, p. 94].

⁴⁷ «*Quid consilii caperent, vel quid agerent, vel quo fugerent?*» [22, p. 196].

⁴⁸ «*Quid moramur?*» [22, p. 20], «*Quid multis moramur?*» [22, p. 266].

⁴⁹ «*Sed cur rota currum praecurrit?*» [22, p. 32].

⁵⁰ «*Quid multis moramur?*» [22, p. 64].

⁵¹ «*Sed quid tamen?*» [22, p. 84].

⁵² «*Quid plura?*» [22, p. 108], «*Sed quid plura?*» [22, p. 218].

святые отцы!» [2, с. 64]⁵³), и содержат просьбу о покровительстве (в том числе в стихотворном эпилоге «*Так прочтите ж в помощь нам это сочинение: / Будут многие хвалить нас, если вы поможете!*» [2, с. 65]⁵⁴). Как отмечал М. Л. Гаспаров, в средневековой переписке вступительное обращение являлось «главным знаком иерархических отношений» [3, с. 104]. Приведенные восклицания Галла Анонима не только подчеркивают эту иерархичность, но и усиливают экспрессию вступления ко второй книге хроники. В основном тексте ХГА риторические восклицания Галл употребляет с целью прославить деяния князя («О великое благородство и совершенство Болеслава <...>!» [2, с. 39]⁵⁵) или подчеркнуть свою точку зрения на описываемые события («Он это сделал!» [2, с. 123]⁵⁶, Збигнев «постоянно будет сожалеть о том, что так поступил!» [2, с. 133–134]⁵⁷). Последнее представляется существенным, поскольку, как отмечала Л. М. Попова, свое мнение Галл «редко выражает открыто», но «косвенно дает понять читателю свое одобрение или осуждение» [2, с. 17]. Как и Козьма Пражский, Галл Аноним практически не использует цитаты в риторических вопросах и восклицаниях.

Сочетания риторических фигур Галл Аноним употребляет преимущественно по отношению к польским князьям. Таково повествование о Болеславе I (Храбром, 967–1025) — правителе, время жизни которого наиболее удалено от времени написания хроники. Галл несколько идеализирует деяния Болеслава I, для чего использует сочетания риторических вопросов и восклицаний, а также гиперболизацию и противопоставление («Кто же способен достойно рассказать о его славных подвигах или битвах с соседними народами, не говоря уже о том, чтобы описать это и передать потомству? <...> Кто, как не он, часто побеждал в сражении венгров и всю страну их вплоть до Дуная захватил, под свою власть? <...> Нужно ли перечислять победы и триумфы над языческими народами, которых, как известно, он как бы попирает ногами?» [2, с. 33]⁵⁸, «*Горе, горе, Болеслав наш! Где же слава рыцаря? / Доблесть где, где честь твоя, щедрость где великая? <...> Вместе нынче восклицайте: "Горе всем сегодня нам! <...> Болеслав, ты нас зачем покидаешь, батюшка? / И господь как допустил, чтобы ты представился? / Почему господь не дал умереть нам, грешникам?"*» [2, с. 48]⁵⁹). Примечательно, что прославляющие Болеслава I фрагменты в ХГА относятся к началу и к концу повествования о нем. Употребление риторических вопросов и восклицаний не только в прозаических, но и в стихотворных фрагментах свидетельствует об образованности и высоком культурном уровне хрониста. В повествовании о Болеславе III (Кривоустом, 1086–1138), деяниям которого посвящены вторая и третья книги ХГА, сочетания риторических вопросов и восклицаний присутствуют в разных фрагментах хроники («*Равного ему по силе и на свете не было! / Кто на битву с нашим князем двинуться осмелится? <...> / Миром-то король при нем пользовался ж Венгрии! / О делах расскажешь*

⁵³ «Magni patres» [22, p. 114].

⁵⁴ «Nobis astate, nobis hoc opus recitate / Per vos, si vultis, opus est laudabile multis» [22, p. 114].

⁵⁵ «O magna discrecio magna que perfeccio Bolezlai» [22, p. 50].

⁵⁶ «Utique fecit» [22, p. 248].

⁵⁷ «semperque se fecisse penitebit» [22, p. 272].

⁵⁸ «Quis enim eius gesta fortia vel certamina contra populos circumquaque commissa digne valeat enarrare, nedum etiam scriptis memorialibus commendare <...> Numquid non ipse Vngaros frequencius in certamine superavit, totamque terram eorum usque Danubium suo dominio mancipavit <...> Quid igitur est necesse victorias et triumphos de gentibus incredulis nominatim recitasse, quas constat eum quasi sub pedibus conclasse» [22, p. 30–32].

⁵⁹ «Heu, heu Bolezlaue, ubi tua gloria, / Ubi virtus, ubi decus, ubi rerum copia? <...> Heu, heu Bolezlaue, cur nos pater deseris, / Deus talem virum umquam mori cur permiseris, / Cur non prius nobis unam simul mortem dederis» [22, p. 70–72].

разве славных Болеслава всех?» [2, с. 110]⁶⁰, «сколько милости оказал он беднякам! Сколько чудесных драгоценностей возложил на церковные алтари!» [2, с. 137]⁶¹). Это согласуется с наблюдением Л. М. Поповой о том, что «вся хроника проникнута мыслью о необходимости сильной княжеской власти» [2, с. 14], что характерно для средневекового жанра деяний (*res gestae*). С другими целями сочетания риторических фигур Галл использует существенно реже («Что же? Будем ли обвинять Збигнева и извинять Болеслава?» [2, с. 134]⁶²). На этом фоне сочетание риторических вопросов и восклицаний в молитвенном обращении к мученику Лаврентию выглядит в ХГА как частный эпизод («Великий мученик Лаврентий! Помилуй народ мой, заслуживший помощь твою! Что же теперь делать христианам? Куда им обратиться? <...> Великомученик Лаврентий! Возьми силу у народа наступающего!» [2, с. 111]⁶³).

Подводя итог, следует отметить, что риторические вопросы и восклицания в памятниках славянского исторического повествования рубежа XI–XII вв. встречаются эпизодически. К целям их употребления следует отнести экспрессивное выражение книжником своего отношения к описываемым событиям для воздействия на читателя, а также следование литературной традиции. Отметим мысль книжников о необходимости сильной княжеской власти, которая является одной из основных тем при использовании сочетаний риторических вопросов и восклицаний в ПВЛ, ЧХ и ХГА. Вместе с тем для каждого памятника можно выделить свои особенности употребления риторических фигур. Если в ПВЛ и ХГА количество риторических вопросов и риторических восклицаний примерно одинаково (16 / 18 и 28 / 21), то в ЧХ риторических вопросов в два раза больше, чем риторических восклицаний (32 / 16). Это говорит о том, что Козьма Пражский уделял большее внимание вопрошанию читателя, чем выражению своей точки зрения, и согласуется с более пространством характером риторических фигур в ЧХ, что снижает их экспрессивную нагрузку. Особенностью ЧХ и ХГА является употребление книжниками в качестве риторических вопросов и восклицаний одних и тех же выражений (что позволяет говорить об их топике), а также использование риторических фигур в стихотворных фрагментах и их сочетание с различными выразительными средствами (эпитетом, сравнением, гиперболой). Эти черты нехарактерны для ПВЛ, в которой количество риторических вопросов и восклицаний несколько меньше, они часто являются библейскими цитатами и сочетаются с собственными высказываниями летописцев. Подобное различие может быть связано с тем, что к рубежу XI–XII вв. на латинском языке было создано множество текстов, содержащих различные риторические фигуры, в то время как письменная форма языка и книжная традиция в Древней Руси еще только формировались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 488 с.
- 2 Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / вступ. ст., пер. и коммент. Л. М. Поповой; под. ред. В. Д. Королюка. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.

⁶⁰ «*Non est hostis tanto duci congredi qui valeat / Et qui parem profiteri sese palam audeat, / Vngarorum rex per eum consistit pacificus / Non est tempus, quanta fecit, enarrandi singular*» [22, p. 220].

⁶¹ «*quantas elemosinas in pauperibus erogavit, quanta per ecclesiam et in altaribus ornamenta presentavit*» [22, p. 278].

⁶² «*Quid ergo? Accusamus Zbigneum et excusamus Bolezlauum?*» [22, p. 274].

⁶³ «*Martir Laurenti, populo succurre merenti! / Quid nunc faciant christiani, quo se vertant <...> / Martir Laurenti, populo vim tolle furenti!*» [22, p. 222].

- 3 *Гаспаров М. Л.* Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986. С. 91–169.
- 4 *Гимон Т. В., Гунпиус А. А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья: сб. ст. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 174–200.
- 5 *Дмитриев М. В.* Конфессиональные и этнические компоненты «стратегий различения» в Повести временных лет и Хронике Галла Анонима // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2007. Вып. 21. С. 345–363.
- 6 *Еремин И. П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. 1962. Т. 18. С. 50–58.
- 7 *Живов В. М.* Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 170–186.
- 8 *Иванайнен О. В.* «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2017. Вып. 16–17. С. 389–582.
- 9 *Канафьева А. В.* Риторическое высказывание: формы, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 49 с.
- 10 *Козьма Пражский.* Чешская хроника / вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука; под. ред. Л. В. Разумовской, В. С. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.
- 11 *Комендова Й.* Историографический метатекст в «Повести временных лет» и «Чешской хронике» Козьмы Пражского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 55.
- 12 *Литаврин Г. Г., Флоря Б. Н.* Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древней Руси // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988. С. 235–262.
- 13 *Мельников Г. П., Петрухин В. Я.* Чешское «язычество» и «Славянские древности»: чешская средневековая традиция // Славяноведение. 2020. № 2. С. 11–17.
- 14 Полное собрание русских летописей. 5-е изд. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. II: Ипатьевская летопись. 937 стб.
- 15 *Ранчин А. М.* Оппозиция «природа — культура» в историософии Повести временных лет // Натура и культура: Славянский мир. М.: Изд-во Ин-та славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 180–190.
- 16 *Регель В. Э.* О хронике Козьмы Пражского // Журнал министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270. С. 221–261.
- 17 *Сковородников А. П.* Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011. 480 с.
- 18 *Топоров В. Н.* Предыстория литератур у славян: Опыт реконструкции. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 320 с.
- 19 *Черторицкая Т. В.* Ораторское искусство Древней Руси // Сокровища древнерусской литературы. Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М.: Сов. Россия, 1987. С. 5–30.
- 20 *Щавелев А. С.* Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.: Северный паломник, 2007. 272 с.

- 21 Cosmae Chronica Boemorum. Ed. R. Koepeke // MGH Scriptores. 1851. Т. IX. P. 1–132.
- 22 Gesta principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles / trans. and annotated by P. W. Knoll and F. Schaer with a preface by Th. N. Bisson. Budapest: Central European University Press, 2003. 318 p.

© 2022. Alexey V. Shapovalov
Moscow, Russia

**RHETORICAL QUESTIONS AND EXCLAMATIONS
IN SLAVIC HISTORICAL NARRATION OF THE 11–12 CENTURIES
("RUSSIAN PRIMARY CHRONICLE", "CHRONICA BOEMORUM",
"GESTA PRINCIPUM POLONORUM")**

Abstract: The paper addresses rhetorical questions and exclamations in East and West Slavic historical narration of 11–12 centuries, showing that in the Russian Primary Chronicle rhetorical questions and exclamations were used to strengthen the assessment of the chronicle fragments for new ideology formation of the Ancient Rus'. The combinations of original and borrowed statements in the rhetorical figures indicate the orientation of the Old Russian chroniclers following the Byzantine pattern to the biblical rhetorical tradition. On the contrary, there are practically no quotations in rhetorical questions and exclamations in the West Slavic chronicles. Thus in the Chronica Bohemorum rhetorical figures are often combined with various expressive means and can relate not only to the content, but also to the form of the narrative, including being inside the phrase and being stable expressions. The same features are true for the Gesta Principum Polonorum, in which rhetorical figures are less often correlated with expressive means, and their expressive component is more clearly manifested. The author comes to the conclusion, that actualization of narrative subjectivity by means of rhetorical questions and exclamations is a common feature of the sources under consideration, that allows better understanding the worldview and tasks of medieval history scribes.

Keywords: Rhetorical Question, Rhetorical Exclamation, Russian Primary Chronicle, Chronica Boemorum, Gesta Principum Polonorum.

Information about the author: Alexey V. Shapovalov — Graduate Student, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bldg 51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3230-3682>

E-mail: omeganom@yandex.ru

Recieved: July 31, 2021

Approved after reviewing: March 20, 2022

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Shapovalov A. V. Rhetorical Questions and Exclamations in Slavic Historical Narration of 11–12 Centuries ("Russian Primary Chronicle", "Chronica Boemorum", "Gesta Principum Polonorum"). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 256–268. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-256-268>

REFERENCES

- 1 Averintsev S. S. *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the Origin of the European literary Tradition]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996. 488 p. (In Russian)
- 2 Gall Anonim. *Khronika i deianiia kniazei ili pravitelei pol'skikh* [Chronicle and Deeds of the Princes or Rulers of Poland], introd., trans. and comm. L. M. Popova; ed. by V. D. Koroliuk. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 172 p. (In Russian)
- 3 Gasparov M. L. Srednevekove latinskie poetiki v sisteme srednevekovo grammatiki i ritoriki [Medieval Latin Poetics in the System of Medieval Grammar and Rhetoric]. In: *Problemy literaturnoi teorii v Vizantii i latinskom srednevekov'e* [Issues of Literary Theory in Byzantium and the Latin Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 91–169. (In Russian)
- 4 Gimón T. V., Gippius A. A. Russkoe letopisanie v svete tipologicheskikh parallelei (k postanovke problemy) [Russian Chronicles in a View of Typological Analogies (Articulation of the Issue)]. In: *Zhanry i formy v pis'mennoi kul'ture srednevekov'ia* [Genres and Forms in Writing Culture of Middle Ages]. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 174–200. (In Russian)
- 5 Dmitriev M. V. Konfessional'nye i etnicheskie komponenty "strategii razlicheniia" v Povesti vremennykh let i Khronike Galla Anonima [Confessional and Ethnic Components of the "strategies of differentiation" in the "Primary Chronicle" and in the Chronicle by Gallus Anonymus]. In: *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with Time: Intellectual History Review]. Moscow, IWI RAS Publ., 2007, vol. 21, pp. 345–363. (In Russian)
- 6 Eremin I. P. Oratorskoe iskusstvo Kirilla Turovskogo [Kirill of Turov's Oratorical Art]. In: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 1962, vol. 18, pp. 50–58. (In Russian)
- 7 Zhivov V. M. Ob etnicheskom i religioznom samosoznanii Nestora Letopistsa [About the Ethnic and Religious Identity of Nestor the Chronicler]. In: *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2002, pp. 170–186. (In Russian)
- 8 Ivanainen O. V. "Az'" letopistsa v "Povesti vremennykh let", ego varianty I sposoby vyrazheniia ["I" of Scriber in Russian Primary Chronicle, its Variants and Expression Ways]. In: *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], 2017, issue 16–17, pp. 389–582. (In Russian)
- 9 Kanaf'eva A. V. *Ritoricheskoe vyskazyvanie: formy, semantika, funktsii* [Rhetorical Utterance (Forms, Semantics, Functions): DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2011. 49 p. (In Russian)
- 10 Koz'ma Prazhskii. *Cheshskaia khronika* [Chronika Boemorum], introd., trans. and comm. by G. E. Sanchuk; ed. by L. V. Razumovskaia, V. S. Sokolov. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 296 p. (In Russian)
- 11 Komendova I. Istoriograficheskii metatekst v "Povesti vremennykh let" i "Cheshskoi khronike" Koz'my Prazhskogo [Historiographical Metatext in "Russian Primary Chronicle" and "Chronica Boemorum" by Cosmas Pragensis]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2017, no 3 (69), p. 55. (In Russian)
- 12 Litavrin G. G., Floria B. N. Obshchee i osobennoe v protsesse khristianizatsii stran regiona i Drevnei Rusi [Common and Special in the Process of Christianization of the Countries of the Region and Old Rus']. In: *Priniatie khristianstva narodami*

- Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy i kreshchenie Rusi* [Christianization by the Nations of Central and Southeastern Europe and the Baptism of Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 235–262. (In Russian)
- 13 Mel'nikov G. P., Petrukhin V. Ia. Cheshskoe “iazychestvo” i “Slavianskie drevnosti”: cheshskaia srednevekovaia traditsiia [Czech “Paganism” and “Slavic Antiquities”: Czech Medieval Tradition]. *Slavianovedenie*, 2020, no 2, pp. 11–17. (In Russian)
- 14 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. 5th ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1998. Vol. II: Ipat'evskaia letopis' [Hypation Chronicle]. 937 col. (In Russian)
- 15 Ranchin A. M. Oppozitsiia “priroda — kul'tura” v istoriosofii Povesti vremennykh let [Contraposition “nature — culture” in Historiosophy of Russian Primary Chronicle]. In: *Natura i kul'tura: Slavianskii mir* [Nature and Culture: Slavic World]. Moscow, Institute of Slavic and Balkan Studies RAS Publ., 1997, pp. 180–190. (In Russian)
- 16 Regel' V. E. O khronike Koz'my Prazhskago [About the Chronicle of Kozma of Prague]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1890, part 270, pp. 221–261. (In Russian)
- 17 Skovorodnikov A. P. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo iazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Reference Dictionary. Expressive Means of Russian Language, Speech Mistakes and Flows]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 480 p. (In Russian)
- 18 Toporov V. N. *Predystoriia literatur u slavian: Opyt rekonstruktsii* [Background of Literatures among the Slavs: Reconstruction Experience]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1998. 320 p. (In Russian)
- 19 Chertoritskaia T. V. Oratorskoe iskusstvo Drevnei Rusi [Oratory Art of the Ancient Rus']. In: *Sokrovishcha drevnerusskoi literatury. Krasnorechie Drevnei Rusi (XI–XVII vv.)* [Treasures of Old Russian literature. Eloquence of the Ancient Rus' (11–17 centuries)]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1987, pp. 5–30. (In Russian)
- 20 Shchhavelev A. S. *Slavianskie legendy o pervykh kniaz'iakh: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modelei vlasti u slavian* [Slavic Legends about First Princes: Comparative-historic Study of Power Models among the Slavs]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2007. 272 p. (In Russian)
- 21 Cosmae Chronica Boemorum, ed. by R. Koepke. In: *MGH Scriptores*, 1851, vol. 9, pp. 1–132. (In Latin)
- 22 *Gesta principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles*, trans. and annotated by P. W. Knoll and F. Schaer with introd. by Th. N. Bisson. Budapest, Central European University Press, 2003. 318 p. (In English)